

RU

Нарративный дискурс нравственной парадигмы в романе Ж. Кабре «Я исповедуюсь»

Мещерякова Л. А.

Аннотация. Цель исследования – решение проблемы, связанной с особенностями выражения духовно-нравственного императива героя-нарратора в романе Ж. Кабре «Я исповедуюсь». В статье анализируются приемы репрезентации в художественном нарративе признания героем своей личной ответственности за события Второй мировой войны. Научная новизна состоит в том, что впервые роман Ж. Кабре «Я исповедуюсь» был рассмотрен в контексте других произведений современной зарубежной прозы сходной тематики с точки зрения нарративного дискурса, а также выделения концепта осознания вины как текстообразующей стратегии. В результате проведенного исследования установлено, что Ж. Кабре своим романом «Я исповедуюсь» внес существенный вклад в разработку темы Холокоста в западноевропейской и американской литературе начала XXI века, предложив новые приемы повествования, ставящие акценты на главной нравственной парадигме романа. Жанровая специфика «романа в романе» определила нарративный план произведения, нелинейность композиции, зеркальность эпизодов и действующих лиц, многозначность и многомерность образов, неразличимость героев-повествователей. «Медико-литературный дискурс» ненадежного рассказчика явился главной нарративной стратегией в организации пространственно-временной модели романа и способствовал, наряду со стилистическими особенностями дневниковой формы повествования, созданию ощущения личной ответственности главного героя за геноцид еврейского народа во время Второй мировой войны.

EN

Narrative discourse of moral paradigm in Jaume Cabré's novel "Confessions"

L. A. Meshcheryakova

Abstract. The research aims to solve the problem associated with the specifics of expressing the spiritual and moral imperative of the hero-narrator in Jaume Cabré's novel "Confessions". The article analyzes the techniques of representing in the fictional narrative the hero's confession of his personal responsibility for the events of World War II. The scientific originality lies in the fact that Jaume Cabré's "Confessions" was considered for the first time in the context of other works of modern foreign prose on similar topics from the perspective of narrative discourse, as well as taking into account the identification of the concept of awareness of guilt as a text-forming strategy. The research found that Jaume Cabré, with his novel "Confessions", made a significant contribution to the development of the Holocaust theme in Western European and American literature of the early 21st century, offering new narrative techniques that emphasize the main moral paradigm of the novel. The genre specificity of a "novel within a novel" defined the narrative plan of the work, the nonlinearity of the composition, the mirroring of episodes and characters, the ambiguity and multidimensionality of images, and the indistinguishability of the hero-narrators. The "medical-literary discourse" of the unreliable narrator was the main narrative strategy in organizing the spatio-temporal model of the novel and contributed, along with the stylistic features of the diary form of narration, to creating a sense of personal responsibility of the protagonist for the genocide of the Jewish people during World War II.

Введение

Тема Второй мировой войны в зарубежной литературе рубежа XX-XXI веков получила новые импульсы развития, что связано прежде всего с изменившейся геополитической обстановкой. «Благоволительницы» Д. Литтелла, «Аустерлиц» В. Г. Зебальда, «НННН» Л. Бине, «Песня имен» А. Мосауи, «Полная иллюминация» Дж. С. Фоера, «Мальчик в полосатой пижаме» Д. Бойна, «Хроника любви» Н. Краусс и другие произведения

современных авторов демонстрируют разнообразные нарративные стратегии в изображении Холокоста. Поиски писателями новых повествовательных форм для передачи сложных этических ситуаций нравственного выбора свидетельствуют об их актуализации в современном мире. Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, интересом российского читателя к творчеству Жауме Кабре (1947) – современного испанского (каталанского) писателя, одного из тех европейских авторов, кто занимает принципиальную позицию в отношении причин, течения, а также итогов Второй мировой войны, роли Советского Союза в победе над нацизмом. Его роман «Я исповедуюсь» является отражением объективного взгляда писателя на исторический процесс и акцентирует внимание на этических императивах современной Европы. Во-вторых, актуальность настоящего исследования связана с тем, что интересующий нас аспект входит в область аффективной нарратологии – одного из наиболее востребованных в современном академическом пространстве направлений.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- включить роман Ж. Кабре «Я исповедуюсь» в литературную традицию современной прозы о Холокосте;
- выявить и описать нарративные инстанции, вовлеченные в процесс конструирования концепта осознания вины;
- проанализировать медико-литературный дискурс как центральный сюжетобразующий конструкт.

Ключевыми методами стали: сравнительно-исторический, благодаря которому были выявлены некоторые особенности романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь» в контексте современной зарубежной прозы о Холокосте, а также метод целостного анализа литературного произведения, давший возможность изучить проблемное, тематическое и жанровое своеобразие романа.

Основным материалом исследования выступает роман Жауме Кабре «Я исповедуюсь» (*“Jo confesso”*), написанный в 2011 году, на русском языке опубликован в 2015 году.

Теоретическую базу для исследования представляют различные аспекты репрезентации духовно-нравственной проблематики в современной европейской и американской прозе, посвященной прежде всего событиям Второй мировой войны, которые рассмотрены в трудах ряда отечественных и зарубежных литературоведов (Колесников, 2016; Макаров, 2019; Васильева, 2014; Полушкин, 2007; Mageda, 2013; Herman, 2002). Особое внимание привлекли статьи, посвященные анализу романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь» (Риц, 2016; Уржумцева, 2016; Сиротин, 2017). Методологической основой послужили исследования в области текстообразующих стратегий, связанных с нарратологией эмоций (Муравьева, 2021; Тюпа, 2016).

Данная статья является продолжением нашего исследования темы Холокоста в современной западноевропейской и американской литературе (Мещерякова, 2015; 2025).

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов при разработке теоретических и практических курсов по современной западноевропейской литературе в высшей школе, а также участия в парадигме исследований современных нарративных практик изображения событий Второй мировой войны в зарубежной литературе рубежа XX–XXI веков.

Обсуждение и результаты

Э. Васильева в статье «Традиция и литература о Холокосте» замечает: «Поведение человека во время войны изменяет представления о возможностях и этических ценностях человека в целом» (2014, с. 208). Исследуя нравственную проблематику повести Грэма Джойса «Ленинградские ночи», А. Ю. Колесников ставит главный вопрос: «Является ли состояние войны обстоятельством, выводящим человека за пределы моральной оценки?» (2016, с. 77).

Нравственная парадигма произведения Ж. Кабре «Я исповедуюсь» может быть сформулирована словами из романа: «Всё на свете имеет ко мне отношение». Это заявление главного героя, Адриа Ардевола, по сути и является квинтэссенцией книги, в которой особым образом актуализируется тема повествования. Как замечает Л. Е. Муравьева в связи с другим романом Ж. Кабре, отличительной чертой произведений писателя «служит специфическая манера наррации, а одной из задач повествования становится создание “уплотненной” нарративной интриги» (2021, с. 274). Герой-интеллектуал, преподаватель университетского курса эстетики, автор книг «Эстетическая воля», «История европейской мысли», попытается сопоставить идеи философов различных школ, займется изучением природы зла, его связями с искусством, а под конец сознательного существования, поняв, что времени осталось мало, начнет писать историю своей жизни.

В одном из своих интервью Жауме Кабре заявил, что закончил роман «Я исповедуюсь» в день памяти жертв Освенцима. История и время переплетаются в судьбах его героев, чему способствует построенный по ретроспективному принципу нарратив. Временной промежуток основного сюжета располагается между 1950-ми и 1990-ми годами. Помимо этого, в текст включены вставки из эпохи испанской инквизиции, истории Европы XVII–XVIII веков, второго десятилетия XX столетия и событий Второй мировой войны. Разновременные пласты повествования создают своеобразный полифонизм, по сути приближенный к «хоральной структуре» романа Ж. Кабре «Голоса Памано» (Mageda, 2013).

Адриа Ардеволу принадлежат следующие признания: «На мне лежит вина за всё; если нужно, буду виноват во всех случившихся на земле пожарах, землетрясениях и наводнениях. Я не знаю, где Бог... Чувство одиночества мучит меня...» (Кабре, 2022, с. 813); «...я провел всю свою жизнь, размышляя о культурной истории человечества... все мы, со всеми нашими пристрастиями и страстями, в сущности, не более чем... случайность.

И что факты, поступки и события путаются между собой, а мы, люди, сталкиваемся друг с другом, находим, теряем или упускаем друг друга тоже по чистой случайности. Случай правит всем, а может быть, ничего не случайно, точнее сказать – всё предрешиено заранее. Я не знаю, какое утверждение принять, потому что оба справедливы. И если уж я не верю в Бога, то как я могу поверить в предопределенность, как её ни назови – хоть судьбой, хоть еще как» (Кабре, 2022, с. 811-812).

Казалось бы, все вышесказанное должно позволить герою снять с себя какую-либо моральную ответственность за события Второй мировой войны, которым он не был даже свидетелем. Нравственный императив Адриа Ардевола о своей личной ответственности за все, что происходит на земле, может быть противопоставлен уловкам Макса Ауэ, ненадежного нарратора в романе Д. Литтелла «Благовоительницы», который оправдывает свою причастность к «окончательному решению еврейского вопроса» тем, что у него не было выбора, он «лишь выполнял свою работу» (Мещерякова, 2015, с. 140).

По-прежнему, со времен Ремарка, поколение Ардевола может называться «потерянным», мучительно ищущим смысл жизни, пытающимся обрести хоть какую-то веру. А. О. Уржумцева (2016, с. 277), одна из переводчиц романа «Я исповедуюсь» на русский язык, провела глубокое исследование библейских цитат и аллюзий в этом тексте и показала, что роман Жауме Кабре изобилует ими, многие из них являются лейтмотивами романа, другие выполняют повествовательные функции, а все вместе они создают фон напряженного нравственного поиска, в котором пребывает главный герой.

Юный Адриа жил в эпоху гонений со стороны франкистов на студенческие движения, хотя бы отдаленно связанные с «коммунистами, масонами, каталонскими националистами или евреями» (Кабре, 2022, с. 282). Но «весь этот мрак» (Кабре, 2022, с. 282) не существовал для него. Имела значение лишь интеллектуальная жизнь: «Стоит прикоснуться к красоте искусства – жизнь меняется. Стоит услышать Монтеверди-хор – жизнь меняется. Стоит увидеть Вермеера вблизи – жизнь меняется. Стоит прочитать Пруста – и ты уже не такой, каким был раньше» (Кабре, 2022, с. 519). Адриа много размышляет о природе искусства, один из героев романа считает, что оно не что иное, как «проявление любви художника к человечеству» (Кабре, 2022, с. 525). Но со временем закономерным образом он приходит к выводу: «В искусстве – личное спасение, но в нем не может быть спасения для всего человечества» (Кабре, 2022, с. 540).

Его жизнь по-настоящему изменится, когда он узнает, что семейная реликвия, самая большая драгоценность, скрипка Сториони, точнее обстоятельства ее приобретения, связаны со Второй мировой войной, с Освенцимом. И вот тогда он начнет предпринимать «бесплодные попытки проникнуть в природу зла» (Кабре, 2022, с. 617). Пытаясь разгадать его феномен, Адриа заходит в тупик, жалуется самому себе на нехватку «философского инструментария», чтобы разделить «зло абсолютное, зло относительное, зло физическое, зло моральное, зло преступления, зло наказания» (Кабре, 2022, с. 786). Он задается вопросами: является ли зло результатом извращенной воли человека или оно исходит от дьявола? А где же Бог? И приходит к выводу: «Зло как раз в том, что дьявола нет» (Кабре, 2022, с. 786).

Неслучайно письмо любимой, а по сути дневник-исповедь, Адриа пишет на оборотной стороне тех листов, на которых мучительно исследует природу зла. Зло, по мнению героя, в самом человеке. В романе почти нет однозначных персонажей, они многомерны, в них переплетаются добро и зло, человеколюбие и зависть, гений и злодейство. Феликс Ардевол, отец Адриа, коллекционер-интеллектуал, всю жизнь гонявшийся за материальными свидетельствами человеческого гения, был человеком беспринципным, холодным, корыстолюбивым и жестоким. Жемчужиной его коллекции является скрипка Сториони, совершенный музыкальный инструмент, рождающий поистине божественные звуки. Перед ней с равным благоговением готовы преклонить колена и музыканты, и коллекционеры, и коммерсанты, и нацисты времен Второй мировой, которые могут выступать в любой из вышеприведенных ролей.

«Я исповедуюсь» Ж. Кабре нельзя в полной мере назвать историческим романом, хотя в нем немало упоминаний реальных лиц и событий. Это скорее психологический роман, затрагивающий некоторые страницы прошлого для авторской рефлексии о проблемах настоящего. По своей жанровой природе это метароман, в котором читатель становится свидетелем того, как этот сюжет создается. Главный герой «является либо повествователем, либо объектом „повествования в повествовании“, либо и тем и другим одновременно» (Полушкин, 2007, с. 26). Модель «романа в романе» не нова, чуть раньше она была реализована Л. Бине тоже в романе о Второй мировой войне «НННН» (2010). Сопоставление некоторых жанровых черт этих произведений позволяет выявить принципиальные отличия в авторских стратегиях. Л. Бине создает «non-fiction», максимально сближает автора и нарратора, стремится к предельной документальной достоверности. Он не допускает мысли, что реальные факты о действиях фашистской Германии на территории Чехии в начале Второй мировой войны нуждаются в художественных приемах изображения. На протяжении своего романа Л. Бине часто дает комментарии по поводу тех или иных архивных документов, рассказывает о своей работе над романом, принципах отбора фактического материала (Мещерякова, 2025, с. 118). В отличие от «НННН», в романе Ж. Кабре – персонажное повествование, в котором автор максимально дистанцирован от героев. Адриа Ардевол верил свой дневник другу, Бернату Пленса, чтобы тот передал его редактору. Согласно завещанию Адриа, Бернат разбирает бумаги в его письменном столе, обнаруживает список персонажей с датами их рождения, иногда – смерти, схемы их взаимодействия. В финале романа читатель догадывается, что Бернат не просто отослал рукопись редактору, а еще и заслужил его похвалу: «Тебе удалось передать, насколько я могу судить, то, как жил и чувствовал твой друг...» (Кабре, 2022, с. 808), из чего мы понимаем, что Адриа Ардевол не единственный герой-рассказчик. Таким образом, осуществляется взгляд на героя и события не только изнутри, но и со стороны.

Близость друга-соперника, друга-завистника, неудавшегося писателя особым образом подсвечивает главного героя, выявляя его моральные качества, заостряя нарративную интригу. Е. Риц (2016, с. 171) увидела здесь актуализацию мотива Моцарта и Сальери, воскресающую в памяти имя А. С. Пушкина, упоминаемого Ж. Кабре, хотя и по другому поводу. Бернат Пленса называет записи Адриа «потоком сознания», когда тот переходит «от одного фрагмента повествования к другому, ведомый памятью, насколько ее еще хватало» (Кабре, 2022, с. 479). Собирая остатки здравомыслия, Адриа Ардевол «писал без усталости, словно бродя туда и обратно между памятью и забвением... писал не задумываясь, выплескивая на бумагу все, что поддается описанию, и надеясь, что когда-нибудь кто-нибудь, увлекающийся палеонтологией – скажем, Бернат, если ему захочется, – расшифрует это, чтобы отдать бог знает кому» (Кабре, 2022, с. 791).

С подобной организацией событийного плана встречаемся в «Аустерлице» В. Г. Зебальда (2001). Здесь тоже до неразличимости сплетаются два рассказчика: основной – Жак Аустерлиц, по крохам собирающий свое прошлое во время и после Второй мировой войны, и альтер-эго самого автора, передающий рассказ главного героя. Своеобразная стилистическая манера без текстового деления на абзацы с невероятно длинными синтаксическими конструкциями создает впечатление единого смыслового поля, которое связывает всех со всеми (Мещерякова, 2025, с. 120). Но при этом в романах Ж. Кабре и В. Г. Зебальда создаются разные нарративные интриги. В «Аустерлице» главный герой, пострадавший в детстве за свою национальную принадлежность и потерявший в Холокосте своих родных, всю дальнейшую жизнь мучительно и безрезультатно восстанавливает свою национальную и человеческую идентичность. Адриа Ардевол, каталонец по рождению, переживая нестерпимую боль и сострадание к жертвам Холокоста, заявляет Саре, что он тоже «еврей... по сознанию, по народности, по истории. Еврей без Бога, старающийся жить так, чтобы никому не причинять зла» (Кабре, 2022, с. 496). Острое чувство ответственности за все, что происходило и происходит в мире, заставляет его брать на себя чужую боль.

Главный герой, основной нарратор произведения, страдает прогрессирующей болезнью Альцгеймера, и его все чаще подводит память, мысли начинают путаться. «Болезнь Адриа помогает автору применить метод эмоционального отстранения от главного героя. Через его жизнь действительно проходят пространства времени и человеческих судеб. Он пропускает через себя боль и страсти человеческие, полностью себя с ними ассоциируя» (Сиротин, 2017, с. 229-232), и поэтому ведет повествование чаще от первого, нежели от третьего лица. Е. Риц в статье «Сильней рассудка памяти печальной» также рассматривает болезнь главного героя и с этической, и с эстетической точки зрения, включив произведение Ж. Кабре в литературную традицию, идущую от романа Умберто Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны» (2004) и связывающую тему исторической памяти (беспамятства) с физической возможностью (невозможностью) адекватного восприятия мира: «...в дополнение шизофреническому дискурсу, характерному для литературы XX века, Жауме Кабре создает другой медико-литературный дискурс – “дискурс болезни Альцгеймера”, когда зыбкость и неустойчивость мира и вместе с тем схематизм исторических повторений выступают как практики забывания или искаженных воспоминаний» (2016, с. 171).

Альцгеймер героя-нарратора – это еще и коллективное европейское беспamięтство, чем дальше, тем больше предающее забвению преступления нацистов во время Второй мировой войны. Неспособность «рассказчика адекватно передать свой собственный внутренний опыт» (Полушкин, 2007, с. 29), создающая специфическую проблему повествования, рождает еще один посыл – невозможность описать запредельные для человеческого разума события в традиционных повествовательных формах (Мещерякова, 2025, с. 121).

При этом «пространственное» время в романе очень динамично, достигает «эффектов замедления, ускорения, параллелизма» (Тюпа, 2016, с. 40), что в современном зарубежном литературоведении получило название «диффузной темпоральности» (Herman, 2002, p. 212). В сознании Адриа Ардевола естественным образом сливаются поступки Великого инквизитора, епископа Николау Эймерика, и начальника Освенцима оберштурмбанфюрера СС Рудольфа Хёсса, направленные на уничтожение евреев. «Структура наррации усложняется за счет того, что в нарративе не используются маркеры перехода» (Муравьева, 2021, с. 274), и монтажное сцепление эпизодов в конце концов приводит к подмене имен, потому что образы героев почти неразличимы. Хёссу говорят о том, что из него «получился бы хороший священник» (Кабре, 2022, с. 315), а «мощь рейха была уже безгранична, и по сравнению с ней дела всех Эймериков всех времен казались детскими играми» (Кабре, 2022, с. 310). Повторяющиеся детали закрепляют ощущение почти полного совпадения. Начальным страницам рассказа об «исполненном религиозного рвения» (Кабре, 2022, с. 303) каталонском епископе предшествует присказка «давным-давно, когда Земля была плоской» (Кабре, 2022, с. 303). Эти слова практически дословно повторяются, когда зайдет речь о начальнике концлагеря Освенцим: «...теперь, когда Земля снова стала плоской» (Кабре, 2022, с. 309). Наваждением для обоих героев становится страсть к женщинам, над которыми они жестоко надругаются. Очень близок пафос, с которым средневековый инквизитор и немецкий нацист исполняют «свой долг». Поэтому не выглядит нелепостью следующая запись слабющего рассудком Адриа: «Хёсс... воспользовался моментом, чтобы произнести речь перед остолебеневшими солдатами, и сказал им: нет большего удовлетворения и большей радости, чем быть уверенным, что твои дела совершаются во славу Господа и с намерением защитить святую католическую и апостольскую веру от ее многочисленных недругов...» (Кабре, 2022, с. 317).

В записях Адриа история преступлений и наказания нацистского доктора и виртуозного пианиста Буддена чередуется с эстетическими суждениями о роли искусства: «Скрытая реальность предметов и жизни может быть приблизительно расшифрована только при помощи произведений искусства, даже если оно недоступно пониманию... В загадочном стихотворении отзывается эхо неразрешенного конфликта» (Кабре, 2022, с. 537). Но студенты, которых Адриа пытается зажечь такими словами, остаются безучастны: «Через десять лет после смерти Франко студенты потеряли запал, заставлявший их предшественников во всё вмешиваться и во всем

участвовать – беспорядочно, бестолково, но страстно» (Кабре, 2022, с. 537). Справедливости ради Адриа должен признаться, что когда-то и сам был аполитичным, но его личным спасением было искусство.

Адриа будет обнаруживать все новые и новые нити, связывающие его с прошлым. Безумно любя жену Сару Волтес-Эпштейн, еврейку по национальности, он будет ощущать вину перед всеми евреями за преступления, которых не совершал. Испытает настоящее потрясение, когда узнает, что комбинация цифр домашнего сейфа, в котором отец хранил драгоценную скрипку, та же самая, что и номер одной из узниц Освенцима, над которой Рудольф Хёсс сначала надругался, а потом отправил в газовую камеру.

Все более и более скатываясь в беспамятство, забывая даты, путаясь в фактах, Адриа неизменной сохраняет лишь свою любовь к Саре, которая до поры до времени удерживает его от полного распада. Свое письмо он пишет уже после смерти жены, в которой будет винить только себя. И принялся он писать исповедь с целью обессмертить ее имя. Сара практически единственная нравственно безупречная героиня в романе. Поэтому только ей адресована исповедь. Салфетка в бело-голубую клетку, которой она воспользуется за столом, навсегда в воображении Адриа соединит ее с фламандской семилетней девочкой из еврейской семьи, оказавшейся в группе детей, на которых в концлагере проводился медицинский эксперимент по регенерации коленного сухожилия. В момент ареста она с семьей сидела за обеденным столом. И единственное, что на какое-то время останется у нее от прежней жизни, – салфетка в бело-голубую клетку. После окончания эксперимента всем детям доктор Будден сделает уколы в сердце. Сара никогда не слышала об этой девочке, но живет с убеждением, что если перестанет грустить, то погрешит против памяти о своих. Любовь к Саре стала для Адриа Ардевола знаком и своей личной причастности к тем далеким событиям.

Сложность нарративной структуры романа Ж. Кабре выражается в том числе неожиданными грамматическими решениями. Как уже отмечалось, повествование в романе ведется одновременно от первого и третьего лица, что можно объяснить гаснущим сознанием главного героя-нарратора, а также наличием внешней редакции рукописи. Приведем для наглядности следующий отрывок: «На самом деле *Адриа* действовал по вдохновению. Уже несколько дней он отдавал себе отчет в том, что не знает, как подступиться к небесно-голубым глазам. Ему хотелось что-то предпринять, но он не знал что. И я не решался действовать, потому что *мне* казалось, будто таким образом я предаю твою память. И тогда ему в голову пришел самый недостойный из возможных планов...» (Кабре, 2022, с. 390).

Такая беспокойная манера повествования может иметь еще одно, более фундаментальное обоснование: главный герой на протяжении всего произведения не умеет думать о себе отдельно от окружающего мира, постоянно оценивает себя со стороны, осознает свою сопричастность ко всему, что когда-либо происходило и происходит на его глазах, что делает этот роман образцом так называемой «мемориальной» литературы, «актуализирующей категорию памяти, обращенной через отображение трагических событий прошлого к будущему...» (Васильева, 2014, с. 220).

Ключ к такому пониманию содержится в эпиграфе к первой главе (“*A capite*”) – словах Карлеса Кампса Мундо: «Я станет ничем». Нельзя не согласиться с мнением Д. И. Макарова (2019, с. 148), что Жауме Кабре ищет выходы к соборности, что на протяжении веков роднило русскую, испанскую и византийскую духовные традиции.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проведенное исследование нарративной структуры романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь» показало, что центральной темой романа стало изображение Холокоста. Сравнительный анализ с другими современными западноевропейскими и американскими произведениями той же тематики позволил выявить новые нарративные стратегии описания событий Второй мировой войны в интересующем нас романе. Так, персонажное повествование, роднящее «Благоволительниц» Д. Литтелла и роман Ж. Кабре, позволяет авторам подчеркнуть в первом случае полный отказ героя-нарратора от признания своей личной вины за участие в геноциде против еврейского народа, а во втором – наоборот, обостренное чувство сопричастности рассказчика всем бедам и страданиям человечества. Принципиальное отличие нарративной стратегии романа «Я исповедуюсь» от “НННН” Л. Бине состоит в максимально дистанцированной авторской позиции, удаленности от жанровой специфики ныне популярного “non-fiction”. Еще глубже осмыслить особенности повествования в романе «Я исповедуюсь» позволяет его сопоставление с «Аустерлицем» В. Г. Зебальда, выявляющее разные нарративные интриги и подчеркивающее отсутствие концентрации главного героя Ж. Кабре на исключительно личных переживаниях.

В процессе исследования романа «Я исповедуюсь» были выявлены и описаны следующие нарративные инстанции дневниковой формы повествования: нелинейность композиции как следствие диффузной темпоральности хронотопа; некоторые сюжетообразующие конструкции, такие как повторяемость эпизодов, ситуаций и речевых оборотов, во многом связанная со стилистикой «потока сознания»; отсутствие жесткой фокализации, периодическая невязность и неопределенность нарратора, характерные для метаромана, где Адриа Ардевол выступает и повествователем, и объектом повествования.

Особую роль в процессе конструирования концепта осознания главным героем романа «Я исповедуюсь» своей вины играет дискурс болезни Альцгеймера, когда герой мучительно старается удержать в своей памяти обрывки своей и чужих жизней и, не различая, пропускает через себя целые пространства времени и человеческих судеб. Этот прием позволяет писателю максимально сблизить личную и историческую память Адриа Ардевола, заострить осознание коллективной вины за события Второй мировой войны.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно обратиться к репрезентации в романе русской темы, в том числе творчества А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, что будет способствовать более основательному осмыслению нравственной парадигмы романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь».

Материалы исследования | Research materials

1. Кабре Ж. Я исповедуюсь / пер. с каталан. Е. Гузиной, А. Уржумцевой, М. Абрамовой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022.

Источники | References

1. Васильева Э. Традиция и литература о Холокосте // Res Humanitariae. 2014. № 14.
2. Колесников А. Ю. Нравственный выбор в повести Грэма Джойса «Ленинградские ночи» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (37).
3. Макаров Д. И. Из размышлений о русской, испанской и византийской духовных традициях на переломе XIX-XXI вв. // Церковь. Богословие. История: материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции, г. Екатеринбург, 8-10 февраля 2019 г. / под ред. иером. Корнилия (Зайцева) и др. Екатеринбург: ЕДС, 2019.
4. Мещерякова Л. А. «Выразить невыразимое» как сверхзадача западноевропейского романа о холокосте («Благоволительницы» Д. Литтелла, «НННН» Л. Бине и «Аустерлиц» В. Г. Зебальда) // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 1 (37).
5. Мещерякова Л. А. «...портрет, составленный из пороков» участника Второй мировой войны («Благоволительницы» Д. Литтелла и «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения: сборник научных трудов. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2015. Вып. 4.
6. Муравьева Л. Е. Нарратология эмоций: репрезентация тревоги в художественном нарративе // Критика и семиотика. 2021. № 1. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-259-279>
7. Полушкин А. С. Нарратив как нравственно-психологический императив, или Как реальность становится мифом: проблема повествования в «исторических» романах Э. Юнсона // Медиасреда. 2007. № 2.
8. Риц Е. Сильней рассудка памяти печальной // Новый мир. 2016. № 5.
9. Сиротин С. История скрипки. Жауме Кабре. Я исповедуюсь // Урал. 2017. № 2.
10. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016.
11. Уржумцева А. О. Библиейские цитаты и аллюзии в тесте романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь» // Романские языки и культуры: от античности до современности / отв. ред. Л. И. Жолудева. М., 2016. Т. 1.
12. Herman D. Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative. Lincoln – L.: University of Nebraska Press, 2002.
13. Magueda B. E. Time and memory: Cami de sirga and Les veus del Pamano // Digithum. 2013. № 15.

Информация об авторах | Author information

Мещерякова Лариса Александровна¹, к. филол. н., доц.

¹ Пензенский государственный университет

Larisa Alexandrovna Meshcheryakova¹, PhD

¹ Penza State University

¹ lam050499@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.08.2025; опубликовано online (published online): 04.09.2025.

Ключевые слова (keywords): Жауме Кабре; роман «Я исповедуюсь»; этический императив; тема Холокоста в литературе; концепт осознания вины; Jaume Cabré; novel “Confessions”; ethical imperative; Holocaust theme in literature; concept of awareness of guilt.